

Сибирские встречи

В Сибири я не впервые. Восемнадцать лет тому назад я проработал один сезон в Иркутском городском театре. Тогда, в 1925 году, зритель-сибиряк был наредкость непритязательным. Зрительный зал шумно принимал и «Прано первой ночи», похваливая пьесу автора, фамилии которого я даже не запомнил, и пьесу Голицыникова и Паларигонду «Семиозводный» на тему о еще свежей в памяти гражданской войне, и классические комедии Островского.

Какая разительная перемена теперь! Мы сразу ощутили её в театральном зале, наполненном новосибирскими рабочими, служащими, студентами, школьниками, красноармейцами и испуганными офицерами. Это непереводимыми словами, это волны, идущие к сцене, это весть, которую подает о себе душа душе. Сейчас мы точно чувствуем все оттенки чувства, испытываемых зрителем даже на пьесах, как будто трагующих одну и ту же тему. Я не объясню это только различием в уровне игры театра в Иркутске и нашего театра в Новосибирске. Нет, это разные времена, разный культурный уровень населения, рядовой посетитель театра. И в Сибири мне это было особенно приятно почувствовать, так как этот край до сравнительно недавнего времени представлялся нам краем-то отдаленнейшей периферией, в которой всё казалось нам, поведав несколько отстать от темпа жизни центров нашей страны.

Я жажду до новых встреч, новых впечатлений, да это и неудивительно, когда речь заходит о советском актёре. Где же, как не в окружающей нас жизни, среди людей, с которыми мы сталкиваемся, искать то подлинное ощущение действительности, которое придает нашей творческой силе. И здесь, сразу должен оговориться, я не хочу выступать в роли гостеприимно принятого ленинградца, который ищет повода для изьявления благодарности. Это будет раз-

говор друзей, глубоко вовлеченных общими для них мыслями.

Когда художник «подаёт» читателю или зрителю тщательно, даже великолепно отобранную деталь, — это еще не искусство. Оно начинается только с большого и глубокого обобщения деталей, фактов, размысленный чувств. Вдумчиво вчитываясь в произведения сибирских писателей, которых я впервые для себя открыл здесь в Новосибирске (в Ленинграде они мне не были известны), я натолкнулся на такое любопытное явление. Художественно противостоят друг другу писатели, как бы любующиеся спокойным, плавным изложением интересных деталей, складывающихся в общую, композиционно как будто даже безгрешную, картину, и те, кто все эти детали как бы переваривает в собственном сознании, давая в своём произведении уже результат своих наблюдений, мыслей и чувств. Поясно это примером.

Летом 1942 года я был художественным руководителем бригады артистов театра имени Пушкина, обслуживавшей части Красной Армии на Северо-Западном фронте. И мы здесь, в Новосибирске, и работники Комитета по делам искусств в Москве были уверены, что «гноздем» концертной программы, которую мы повезли на фронт, будет поэма очень одаренного новосибирского поэта А. Смердова «Тарас Клинок», написанная в какой-то степи под влиянием А. Твардовского. Эта поэма обладает как будто всеми достоинствами, необходимыми для вострадного исполнения. Но действительность нас разочаровала. Красноармейская аудитория не приняла этого номера нашей программы. С недоумением обратились мы к командующему дивизией:

— В чем тут секрет зрительской реакции?

— А вот в чем, — разъяснил нам генерал. — Многие из слушающих вас — это те же Тарасы Клинокы, но давно уже сотворившие

подвиги и опередившие думы, которые поэт излагает в своих стихах. Я готов научаа ткнуть пальцем в любом направлении, — продолжал наш собеседник, — вот этот вчера имел на своем текущем счету 67 фрицев, вот этот вынес из-под огня раненого командира и вернулся в строй, вот этот сегодня утром вернулся из 14-й атаки, в которые он ходил за немногие месяцы своего пребывания на фронте. Спокойное повествование о том, что им хорошо известно, их мало занимает. Дайте им большое обобщение, дайте им в художественном произведении почувствовать исторический пафос их собственного бытия, и вы завоюете их сердце и сознание.

И послушавшись верного совета генерала, мы тут же включили в нашу программу монтаж из Фурмановского «Чапаева». До чего непосредственной и бурной стала реакция нашей аудитории!

Я вспоминаю сейчас другого новосибирского поэта, к сожалению, мало известного за пределами Сибири. Я говорю об И. Мухачеве. Есть у него маленькое стихотворение «Поединок» в нем изобразжено единорство светского бояца с фашистским танком.

В лаконических строках стихотворения дан как бы остоявшийся в сознании поэта сплав мыслей, чувств, общих всему народу. Здесь целостность замысла определяет остроту строки.

Аналогичные мысли возникали у меня при посещении выставки новосибирских художников. И там меня смутно обилие реалистически выведенных подробностей и почти полное отсутствие умения выражать художественную идею в обобщенном образе, исчерпывающем замысел мастера. Ведь частности, как бы они ни были заманчиво привлекательно и важно со временем быстро изнашиваются, забывается, не оставляя в сознании народа ни следов, ни воспоминаний. Живёт только общее исторически отобразное и важное. В этом трудность и ответственность задачи художника — суметь связать

бурю времени разглядеть это общее и важное и отделить его от частного и быстропроходящего.

Впрочем, эти мысли, возникшие у меня при столкновении с местными сибирскими материалами, разве не относятся и ко многим другим явлениям советского искусства в наши дни, вне зависимости от местожительстваа художника?

Тот же глубоко различный подход к действительности я наблюдаю и у двух, пожалуй, самых выдающихся прозаиков Новосибирска — А. Коптелова и А. Германа. Роман первого «На горах» изобилует подробнейшими, поверхностным описанием частностей. В этих деталях утопает и общая идея, и сюжет произведения, и авторский замысел. «Возвращение» А. Германа приковао к себе моё внимание именно умением автора трактовать тему.

Как актёр, я почти каждодневно ощущаю взаимозависимость между литературой (не только драматургической) и театром. А меня издавна обуревает глубокое желание — создать на сцене образ сибиряка, такого, каким я его ощущаю — героического, но простого и непосредственного, творца великих дел, но эпического ясного и отнюдь не картинного, не раскрашенного в олеографические цвета. Для того, чтобы я мог сыграть такую роль в пьесе, необходимо, чтобы пьеса была написана. Написать её должен литератор-сибиряк. К нему моя заявка, моё настоятельное требование советского актёра, моя чаяния и надежды.

В одной воинской части, отправляющейся сейчас же после нашего концерта в бой, после того как мы исполнили монтаж из «Суворова», мне обратился с вопросом красноармеец.

— Товарищ народный артист! А скажите, пожалуйста, по-вашему, жог бы Суворов сейчас командовать? Ведь вот теперь техника какая?

Я правду сказать, не сразу смог ответить на этот вопрос. Меня выручил другой красноармеец.

— А дурачок, нет?

— А зачем тогда правительтво орден установило суворовский? — аметчик третий.

Задавший вопрос боец воскликнул:

— А я так думаю, товарищ народный артист, что Суворов мог бы командовать, Техника? Ну что же, изучил бы эту технику и применил бы и победил бы.

Эта беседа происходила после того самого концерта, о котором я упомянул вначале. Я разговаривал с красноармейцами, только накануне вернувшимися после ожесточенной атаки на врага. Наш разговор обрвал властный голос командира:

— Спробуй!

Люди, которых лишь едва затронула добросовестная повесть о мыслях, настроениях и градях подвигах Тараса Клинка, оказывается, глубоко и упорно задумывались над принципиальными вопросами современного ведения войны. Монологи и действия генералиссимуса Суворова доходили до них не как детали красивой батальной картины, а как эпический рассказ о прошлом, непосредственно не переживающемся с настоящим, с их повседлавым бытом.

Они строились и укладывались. Быть может, об их подвигах вскоре узнает вся страна, имела их покорюются бессмертной славою, или, быть может, они отдадут свою честную жизнь во имя долга перед родиной. Позже уже я узнал, что заданный мне вопрос боец и некоторые мои собеседники были родом из Сибири, из восточных и западных областей. Они крепко пожимали мне руки, уходили, часто оглядываясь назад. И все они, как один, — простые и родные, и дороже их нет мне на свете людей, краше их, заманчивей их нет для меня образа, который я мечтал бы воплотить на сцене.

Они шли на правое дело, и мне припомнились слова Толстого из «Войны и мира»: «Только в этих рядах можно служить с уверенностью, что ты полезен». Так ковенно окрылила и меня актёра, неуваждаемая радость волнения перед боем, напряженного спокойствия перед решительной схваткой с врагом. Эта встреча с сибиряками на фронте — самое глубокое мое впечатление от моих сибирских впечатлений за последние два года.